

Человек предполагает, а Бог располагает. Даже такой хитроумный гибрид обезьяны и крысы, как мой дядя Том, время от времени делает ошибки, и одна из них стала для меня настоящим подарком судьбы. В один прекрасный день он нанял очередного домашнего учителя — Арчибальда Дугласа, который был из Оксфорда, но искупил эту вину путешествием через Персию по поручению Библейского общества¹. Если бы мой дядя слышал о Джордже Борроу², он мог бы избавить себя от многих неприятностей, а я в этом случае, вероятно, сошел бы с ума. Дело было весной 91-го. Я перенес коклюш, и для скорейшего моего выздоровления решено было, что мы с Дугласом отправимся на велосипедах в Торки, но, едва добравшись до Гилдфорда³, я почувствовал себя так плохо, что пришлось пересест на поезд. Дуглас называл себя христианином, но на деле оказалось настоящим мужчиной и джентльменом. Полагаю, что маскироваться его вынуждала бедность. Как только мы остались наедине, он произвел решительный поворот в моем мировоззрении, впервые показав мне здоровый, чистый и радостный мир, в котором стоило жить. Курить и пить в этом мире было естественно. Дуглас лишь предостерег меня об опасности излишеств со спортивной точки зрения. Он приобщил меня к скачкам, бильярду, ставкам, картам и женщинам. Он рассказал мне, как всем этим можно наслаждаться, не вредя себя и не причиняя зла окружающим. Он научил меня всем необходимым премудростям. Он продемонстрировал мне, что такое честь. Я тотчас перенял его представления о мире и начал вести себя как нормальный, здоровый человек. Кошмарный мир христианства растаял с первыми лучами зари. В первые десять дней жизни в Торки я влюбился в актрису из местного театра, и эта простая человеческая любовь преобразила отвратительные тайны пола в чистую радость и красоту. Одержимость грехом спала с моих плеч и канула в море забвения. К тому времени я уже едва не сломался под бременем этой чудовищно сложной задачи — обеспечить вечное проклятие себе и помочь другим тоже спастись от Иисуса. Но теперь я понял, что в мире на самом деле уже полным-полно замечательных проклятых душ — людей, которые принимают природу такой, как она есть, принимают свое место в природе и наслаждаются им, честно и стойко сражаясь со всякой подлостью или мерзостью, какая попадется им на пути. Для меня это было время безграничного счастья. Я всегда тянулся к красотам природы; единственными моими друзьями, не считая животных и случайных чужаков, от которых меня всегда тщательно ограждали, были небеса и реки, горы и

¹ *Библейское общество* — христианская организация, ставящая своей целью перевод Библии на всех языки мира, а также ее издание и распространение в разных странах по доступной цене.

² *Борроу*, Джордж (1803—1881) — английский писатель и лингвист, автор романов, основанных на личных впечатлениях от путешествий по Европе. Путешествовал по России и Испании с миссиями от Библейского общества; при этом слыл весьма эксцентричным и жизнелюбивым человеком.

³ *Торки* — популярный морской курорт на Английской Ривьере, на восточном побережье страны. *Гилдфорд* — город в Англии, столица графства Суррей.

моря. Но вот, впервые в жизни, я столкнулся с себе подобными — с настоящими людьми. Впервые в жизни стали возможны и доступны честная дружба и полноценная любовь, искренняя, веселая и отважная. До сих пор я любил природу как убежище от человечества. Теперь же я постиг красоту мира в связи с красотой рода человеческого. Впервые в жизни сверкающее море и ветры пели для меня не во хвалу одиночества; цветы благоухали и безумствовали во славу света и девического смеха; луна из Артемиды превратилась в Афродиту:

Я промолвил: «Астарта нежнее
И теплей, чем Диана, она ...»
С нежной лаской в горящих глазах,
Над берлогою Льва возникая,
Засветилась для нас в небесах⁴.

Возможно, я по неосторожности сам все испортил. Может быть, мать поняла, что я счастлив, по тону моих писем. Но, так или иначе, она что-то заподозрила. И на сцену вышел дядя Том. Каким-то обманом он отвлек Дугласа, перерыл его вещи, украл личные письма и нашел в них основание, чтобы его уволить. Но было уже слишком поздно: глаза мои открылись, и я стал как бог, знающий добро и зло. Теперь я мог взять инициативу в свои руки. До сих пор я был способен лишь мечтать о победе из чудовищного домашнего ада. Но теперь у меня появилась осмысленная цель; теперь я мог перейти в наступление.

Попытаюсь объяснить, как ужасна была жизнь в доме моей матери. Начать с того, что я был начисто лишен общения с мальчиками и девочками своего возраста, за исключением детей плимутских братьев. А секта эта к тому времени уже угасала и, к тому же, раскололась на сторонников и противников ереси Рейвена⁵. Эту ситуацию хорошо иллюстрирует одна история, которую я изложил в предисловии к «Мировой трагедии»:

У человека, чуждого религии, могут быть моральные запреты; у плимутского брата их нет. Он всегда готов оправдать даже наимерзейшее преступление, приведя соответствующую цитату и призвав имя Христово в защиту любой низости, какая только способна потешить его тщеславную и порочную натуру. Я говорю «порочную», поскольку Плимутская братия и впрямь состояла из отвратительного сброда.

---

⁴ Цитата из стихотворения Эдгара По «Улялюм»; рус. пер. К. Бальмонта.

⁵ «...ереси Рейвена» — т.е., учения, с которым в 1895 году выступил один из плимутских братьев, Ф.Э. Рейвен. Он отрицал «Вечное Сыновство» Христа, утверждая, что Христос существовал вечно, но стал Сыном Божиим только вследствие воплощения.

Аристократы, положившие начало этому движению, разумеется, не перестали быть таковыми даже под влиянием своих причудливых убеждений. Но они проповедовали своего рода «раннехристианский» духовный социализм, в котором нет места священникам, и имели глупость поддерживать своих последователей деньгами.

В результате какой-нибудь мистер Гиблетс (назовем его так), третий мясник на деревне, который в церкви был никем, а в сельской общине — всего лишь одним из старейшин, на маленьком утреннем собрании в столовой эсквайра становился (с одной стороны), ни много ни мало, служителем Божьим и гласом Святого Духа; с другой же стороны, заказы из господского дома теперь, естественным образом, поступали к нему, так что второму мяснику оставалось лишь недоумевать, а первому — горько оплакивать свою судьбу. Итак, к моему времени эта секта (хотя справедливость требует отметить, что сами они себя сектой не считали, заявляя, что, напротив, лишь «покинули секту», под каковой разумели официальную церковь, — и это несмотря на тот факт, что по закрытости они бы дали сто очков вперед любой другой религиозной организации по всей Европе) состояла из сильно поредевшей старой гвардии, последним представителем которой был мой отец, и целой толпы наиподлейшего на свете отребья.

После смерти моего отца мелкие расколы, сотрясавшие секту каждые год-другой, но особого ущерба не причинявшие, уступили место великой рейвеновской схизме, которая разделила «братию» на две почти равные половины и лишила ее последних остатков былой общности значимости.

Понимаю, что отвлекаюсь от темы, но не могу не поведать ужасную историю обанской общины⁶.

Обанская община состояла из некоего мистера Камерона, его жены и матери кого-то из них (я забыл, кого именно), прикованной к постели старостью и недугом. Поскольку сказано: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»⁷, — все это было прекрасно; но следовало понимать, что для

---

⁶ Обан — небольшой курортный город в Шотландии.

⁷ Мф. 18:20.

кворума нужны двое. Ради меньшего Иисус не придет. Этого положения не оспаривал ни один плимутский богослов. Виграм высказывается по этому поводу совершенно ясно; и Дарби последовал бы его примеру, будь он вообще способен к ясным высказываниям⁸. Келли придерживался той же точки зрения; даже Стюарт был в этом вопросе непоколебим, и сам Стоуни соглашался с ними (хотя и неохотно)⁹. Для молитвенного собрания требовалось присутствие по меньшей мере двух человек. <...>

Полагаю, вы уже догадались, что при расколе мистер и миссис Камерон оказались по разные стороны баррикад. Миссис Камерон едва не разрыдалась от счастья, когда телеграф донес до Обана благую весть о том, что на собрании в Илинге мистер Рейвен поднялся и медленно, со значением, провозгласил: «Имеющий Сына имеет жизнь вечную». Мистер Камерон же пустился в пляс, как заправский шотландец на поминках, когда до слуха его дошло, что майор Макарти на том же собрании вскочил и с жаром возразил оратору: «Имеющий Сына Божия имеет жизнь вечную».

Прознав, что мистер Рейвен, задетый за живое, замахнулся на майора кулаком и возопил: «Ах ты, старый греховодник!» — миссис Камерон заявила, что «всегда подозревала, что тут дело нечисто»: в ее воображении тотчас нарисовалась совращенная гувернантка. Но как же смеялся ее супруг, когда очередная телеграмма оповестила, что майор с деланной кротостью (кою, впрочем, опровергал багровый цвет лица), отвечивал: «Разве ты без греха, о брат мой?»!

Короче говоря, обанская община раскололась. Мистер Камерон был отлучен от Вечери Господней!!! Перед каждым из супругов теперь встала суровая необходимость залучить на свою сторону престарелую мать, ибо в противном случае

---

⁸ Виграм, Джордж Вайссимус (1805—1879) — английский теолог и библиист, один из основателей «Плимутской братии» и издатель журнала этой секты. *Дарби* — см. примеч. &.

⁹ Келли, Уильям (1821—1906) — английский теолог и библиист, один из ведущих деятелей «Плимутской братии», возглавивший группу противников Рейвена. *Стюарт*, Кларенс Эсме (1828—1903) — английский теолог, проповедник, лидер одного из мелких расколов в рядах «Плимутской братии», произошедшего в 1885 году. *Стоуни*, Джеймс Батлер (1814—1897) — английский богослов, один из ведущих деятелей закрытой секты плимутских братьев.

утренние собрания становились невозможны. Хотя, полагаю, оба по-прежнему могли проповедовать евангелие — о, *morosa voluptas*¹⁰!

К несчастью, эта достойная старая леди оказалась твердым орешком. Она была не только совершенно глухой и почти слепой, но и всю свою жизнь отличалась скудоумием, не лишенным, впрочем, известной приятности. Тем не менее, делать было нечего: ее требовалось убедить, предоставив понятные ей аргументы.

Супруги договорились работать над этим посменно, по восемь часов. Насколько мне известно, они и по сей день продолжают убеждать свою старушку, так что обанская община не восстановилась до сих пор.

Случилось так, что моя мать приняла сторону меньшинства. А это означало, что все близкие друзья были для нее потеряны. Следуя предписанию одного из евангельских посланий, она отказалась даже здороваться со всеми, кто проповедовал лжеучение. В результате в ее окружении остались лишь очень немногие — и всё это были новые друзья. Соответственно, моих приятелей теперь можно было пересчитать по пальцам одной руки, и единственным, что меня с ними связывало, было отвращение к нашим мучителям.

Мой интеллект неутолимо жаждал пищи, но я был лишен всякого доступа к литературе. Разрешались одна-две книги Скотта и Диккенса. Баллантайн снискал одобрение; Дж.А. Хенти допускался лишь скрепя сердце¹¹. «Дэвид Копперфилд» был под запретом из-за малютки Эмли, потому что она была непослушной девчонкой; кроме того, мою мать звали Эмили, и чтение этой книги могло подорвать мое к ней уважение. Кто-то из учителей принес мне «Баллады Бэба»¹², одна из которых начиналась словами: «Жила-была нянюшка Эмили Джейн». Мать вышвырнула эту книгу вон и едва не вышвырнула следом за нею и учителя. Другой наставник однажды вечером после ужина взялся было читать вслух «Старого Морехода»¹³; мать разразилась гневной тирадой и в тот же избавила меня от его тлетворного влияния раз и навсегда. Причина была в том, что Старый Мореход, увидев морских змей, резвящихся вокруг корабля, «невольнo их благословил». Возмутительное кощунство, ибо змеи прокляты в Книге Бытия! Здесь, кстати, стоит отметить кое-что любопытное. Все эти ханжи до того непоследовательны, что мне никогда не удавалось предсказать ход их мысли. В «Старом Мореходе» полным-полно идей, способных уязвить до глубины

---

¹⁰ «*Morosa voluptas*» — «неутолимая страсть» (лат.).

¹¹ Баллантайн — см. примеч. & Хенти, Джордж (1832—1920) — английский писатель и журналист, автор приключенческих рассказов для мальчиков.

¹² «Баллады Бэба» — сборник юмористических стихотворений Уильяма Швенка Гилберта (1836—1911), английского поэта и драматурга.

¹³ «Старый Мореход»: имеется в виду знаменитая поэма Сэмюэла Тейлора Кольриджа (1772—1834) «Сказание о Старом Мореходе».

души любого плимутского брата, но моя мать ни одной из них не заметила, — ее оскорбили только змеи. Могу предположить, что она ненавидела змей по чисто фрейдистским причинам: вероятно, она сталкивалась с ними во сне и потому имела все основания (с ее точки зрения) отождествлять их с дьяволом в самом неприемлемом его обличье. От природы она была довольно чувственной женщиной, и нет сомнений, что до грани сумасшествия ее довело именно подавление сексуальности.

У моей кузины Агнес был дом на Дорсет-сквер. Однажды мать взяла меня туда с собой на чай. В гостиной лежал томик «Доктора Паскаля»¹⁴. Взгляд моей матери упал на слово «Золя», и она обрушилась на хозяйку дома в припадке истерической ярости. Затем обе принялись орать и визжать друг на друга одновременно, заливаясь слезами. Нет нужды пояснять, что моя мать сроду не читала Золя — просто это имя действовало на нее, как красная тряпка на быка.

Похоже, такая непоследовательность — вообще универсальное свойство подобных людей. Я знал одного печатника, который наотрез отказался набирать выражение «мы послали их ко всем чертям», но преспокойно имел дело со всем, что, рассуждая логически, должно было бы насторожить любого узколобого кретина. Цензор с легкостью пропускает в печать все то, что мне — отнюдь не пуританину, — представляется тошнотворной грязью, и при этом запрещает «Царя Эдипа», которого нам в свое время вдалбливали в головы на школьной скамье¹⁵. Страну затопила волна так называемой женской прозы, которую невозможно описать иначе, как омерзительную порнографию, а такие эпохальные философские шедевры, как «Юрген», между тем вызывают крики протеста¹⁶. Пошлая музыкальная комедия продолжает свое победоносное шествие под стягом разврата, тогда как Бернард Шоу и Ибсен занесены в черный список. Причина, понятное дело, в том, что из-за подавления сексуальности пуританин превратился в извращенца и дегенерата и утратил всякую способность судить о подобных предметах здраво.

Разумеется, полностью лишить меня возможности читать не удавалось. Карманных денег у меня было совсем мало, так что даже покупать себе книги сколько-нибудь постоянно я не мог. Но время от времени я все же добывал их, тайком проносил в дом под одеждой и читал, запершись в ватерклозете. Помню, одна из них называлась «Тайна хэнсомского кэба»¹⁷. Мать воображала, что «хэнсомский кэб» — это какой-то чудовищный

---

¹⁴ «Доктор Паскаль» — роман французского писателя Эмиля Золя (1840—1902), известного скандальными для своего времени натуралистическими бытописаниями.

¹⁵ «Царь Эдип» — трагедия греческого драматурга Софокла (ок. 496 — 406 до н.э.). Была запрещена к постановке в Англии до 1912 года (как произведение, описывающее инцест).

¹⁶ «Юрген» (1919) — роман американского писателя Джеймса Брэнча Кейбелла (1879—1958), в связи с которым автор подвергся судебному преследованию за «аморальность», однако выиграл дело, доказав, что все «непристойности», встречающиеся в тексте, подлежат метафорическому истолкованию. Роман интересен, в частности, тем, что содержит подробное изложение Гностической мессы Кроули.

¹⁷ «Тайна хэнсомского кэба» — детективный роман английского писателя Фергуса Хьюма (1859—1932).

механизм, измышленный самим дьяволом, и даже упоминание о нем считала непристойным.

Теперь, составив представление о том, какая атмосфера царила в доме, читатель поймет, почему я был готов на любой поступок, который послужил бы магическим утверждением моего бунта. В сущности, я был лишен возможностей нормально развивать свой ум. И мне ничего не оставалось, кроме как тушить огонь огнем, — ни о чем другом я попросту не мог думать. Затем в доме взяли новую горничную, и она забрала себе в голову, что сможет разжиться деньгами, шантажируя молодого хозяина. Как-то вечером мы условились встретиться с ней на безопасном удалении от Стритема. Там мы сели в кэб и поехали на Херн-хилл, развлекаясь по дороге легким флиртом. В воскресенье утром я довел начатое до конца. Придумав какую-то отговорку, чтобы не ходить на утреннее собрание, я привел эту девицу в спальню моей матери и совершил свое «магическое утверждение». Я понятия не имел, что она задумала. Девица «проболталась» — и, разумеется, тотчас оказалась уволена, но не отказалась от своей затеи. Вмешался дядя Том, потому что мать, само собой, не могла говорить со мной на такие темы. Я твердо заявил, что ничего не было. Дядя попытался было найти кэбмена, но потерпел неудачу. Местные владельцы кэбов почуяли, что для кого-то дело пахнет жареным, и стали глухи и немые. Дяде ничего не оставалось, как попросить меня представить доказательство моей невиновности. Тут надо было действовать хитро. Я сделал вид, что очень испуган. Да, конечно, я мог бы все доказать, но я не смею. Дядя заглотнул крючок и объявил перерыв в расследовании.

Я тотчас отправился в табачную лавку на мосту над стритемской станцией и попросил хозяина сказать, если его спросят, что я заходил к нему в четверг вечером (то есть как раз во время нашей прогулки в кэбе). Он был свой парень и, естественно, оказался только рад помочь. Я вернулся к дяде и предложил сделку. Я расскажу ему, где я был, но он должен пообещать меня не наказывать, потому что меня сбила с пути дурная компания. Дядя охотно согласился; и я, трепеща и со слезами на глазах, признался, что был в табачной лавке. В каком-нибудь более невинном алиби он бы усомнился. Девица, разумеется, утратила всякое доверие, и больше ничего об этом деле я не слышал. А ведь я поймел ее прямо на материнской кровати!

Вот до чего доводит людей пуританство. С одной стороны, оно вынуждает милую девушку идти на шантаж; с другой — юноше, желающему осуществить свои естественные права безнаказанно, приходится прибегнуть к низменному обману и, вдобавок, невольно причинить зло этой самой девице, к которой он в действительности питает лишь самые дружеские чувства. До тех пор, пока сексуальные отношения осложняются соображениями религиозного, социального и финансового порядка, они снова и снова толкают людей на всевозможные трусливые, бесчестные и отвратительные поступки. Точно так же во время войны, когда возникают препятствия к удовлетворению другой схожей потребности — в физической пище, на всяческие мерзкие уловки вынуждены пускаться даже честные

граждане. Ни мужчины, ни женщины не смогут вести себя достойно до тех пор, пока господствующая мораль ставит препоны к законному удовлетворению физиологических нужд. Природа всегда мстит тем, кто ее оскорбляет. Не следует осуждать рабочего как преступника и безумца, если котел взорвался по причине засора в предохранительном клапане. Вина инженер. В наши дни подобные взрывы, большие и маленькие, гремят уже по всему миру, потому что общество так и не организовало системы, которая позволила бы всем его членам полноценно и без конфликтов удовлетворять свои потребности и безо всяких лишних неудобств избавляться от побочных продуктов.

Но в целом за мной следили столь бдительно, что происшествия, подобные вышеописанному, оставались редчайшими случайностями. Горький опыт научил меня, что доносчиком может оказаться почти кто угодно, так что малейшая неосторожность в разговоре с безобидным, на первый взгляд, незнакомцем способна повлечь за собой катастрофу. Тем самым были заложены основания для чрезвычайной стеснительности, от которой я так никогда и не избавился. Я был практически лишен радости человеческого общения — даже с великими людьми прошлого. Единственным моим утешением стало сочинение стихов.

Как именно я пришел к выводу, что поэзия исключительно ценна и важна, объяснить трудно. Существовала своего рода семейная традиция относиться к поэтам с почтением; но она была столь же иррациональна, сколь и все прочие убеждения моих родных. Могу лишь предположить, что они в свое время поверили школьным учителям, утверждавшим, что английские поэты суть светочи человечества, ибо собственные их познания в поэзии не шли дальше «Касабьянки» и «Нас семеро»¹⁸. Но я открыл для себя Шекспира. Три старых тома ин-фолио обнаружили на ферме в Форсинарде¹⁹. Издание Шекспира имелось и у моей матери, но дома я не читал его, потому что он был разрешен. Однако на ферме больше читать было нечего. Я увлекся и просиживал над книгами ночь за ночью. (Кстати сказать, я к любому делу всегда подходил на редкость основательно. У моего отца была любимая проповедь о слове «но»; под впечатлением от нее я пролистал всю Библию и каждое встреченное «но» обвел чернилами, заключив в аккуратный прямоугольник.)

Помимо нескольких хрестоматийных стихотворений, в моем распоряжении был также «Потерянный рай»²⁰. Он казался мне по большей части скучным (и до сих пор кажется), но позволял насладиться образами Сатаны и греха. Все же Мильтон был великим поэтом, а потому его подсознательное творческое «я» яростно противостояло христианству. Его Сатана — не просто герой, но герой торжествующий. Все Божьи угрозы пропадают втуне.

---

¹⁸ «Касабьянка» — см. примеч. &. «Нас семеро» — романтическая баллада Уильяма Уордсворта (1770—1850).

¹⁹ Форсинард — см. примеч. &.

²⁰ «Потерянный рай» (1667) — эпическая поэма Джона Мильтона (1608—1674), повествующая о войне падших ангелов против Бога и о грехопадении человека.

Подлинную мощь и красоту являют лишь так называемые силы зла. Все достоинства святых — лишь пустые побрякушки. Изобразить добро с сильным характером вообще невозможно. В сущности, по учению христиан, добро — это именно что отсутствие характера, ибо оно подразумевает совершенную покорность Богу. Первый грех Сатаны — отнюдь не гордыня. Гордыня вторична; она произрастает из осознания отдельности. Конечно, последнее, с мистической точки зрения, — самый настоящий грех, ибо для мистика весь проявленный мир несовершенен. Христианским богословам не хватает логики, чтобы, подобно своим старшим собратьям, теологам-индуистам, понять, что любое проявленное существо неизбежно должно отличаться своими свойствами от любого другого. Но инстинктивно они это чувствуют, и в результате божественные персонажи у Мильтона получились относительно бесцветными. Так преобразила природу Бога надстройка греческой философии на базисе дикарского фантазма под именем Яхве. Собственное мое отношение к этому предмету наглядно выдают мои эстетические склонности. Гладкая, пресная красота всегда была мне противна. Уродство увечности отталкивало меня, но уродство силы — напротив, поглощало всю мою душу. Швейцарские озера с их кроткими красотами я презирал; и, напротив, грубые и голые скалы и угрюмое одиночество таких озер, как Ллин-Идуаль²¹, будоражили мое воображение. Уостуотер²² не оправдал в моих глазах своей поэтической репутации. Только углубившись в местные горы, я обрел счастье. Я никогда не воспринимал красоту, не переплетенную так или иначе со смертью. Буржуазное стремление прожить жизнь, ни разу не соприкоснувшись ни с чем «неприятным», казалось мне величайшей низостью, как нельзя лучше соответствующей складу характера небожителей из «Потерянного рая». Кроме того, мне разрешалось читать Теннисона и Лонгфелло, но считать их поэтами в настоящем смысле этого слова невозможно. Все их выхолощенные персонажи внушали мне крайнее отвращение. Даже пороки их — и те провинциальны.

© Перевод: Анна Блейз
www.oto.ru

---

²¹ *Ллин-Идуаль* — небольшое живописное озеро в горах Глидерай в Сноудонии (на севере Уэльса), в котором, согласно преданию, в древности был утоплен врагами сын одного из местных правителей.

²² *Уостуотер* — озеро в долине Уосдейл в Озерном крае (Камбрия, Уэльс). Традиционно считается красивейшим из местных озер и неоднократно восхвалялось поэтами.